

1156

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Джэки Дженден

ЕЕ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ИСПАНЕЦ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Джэки Эшенден

Ее незабываемый испанец

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Эшенден Д.

Ее незабываемый испанец / Д. Эшенден — «Центрполиграф»,
2022 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-10374-1

Дженни — обычная девушка, работающая в благотворительном приюте.
Константин — один из самых могущественных предпринимателей в Европе.
Дженни всю жизнь любила только его, но Кон всегда был холоден с ней и
лишь однажды не смог совладать со своими истинными чувствами...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-10374-1

© Эшенден Д., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джэки Эшенден

Ее незабываемый испанец

Роман

Jackie Ashenden
Stolen for My Spanish Scandal

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения. Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Stolen for My Spanish Scandal

© 2022 by Jackie Ashenden

«Ее незабываемый испанец»

© «Центрполиграф», 2023

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

Глава 1

Дженни

Я лишь хотела в последний раз увидеть его.

Мужчину, которого когда-то любила, а теперь ненавидела всем сердцем. Константина Сильвера. Моего сводного брата.

Случай был не самый подходящий – поминки по его отцу, – но я не собиралась подходить к Константину и уж тем более разговаривать с ним. Я только хотела увидеть его, причем с безопасного расстояния.

Доминго Сильвера, бывшего генерального директора «Сильвер компани», одной из самых могущественных компаний Европы, провожали в роскошном особняке семьи Сильвер в Мадриде. Несколько дней назад я отправила Константину сдержанное лаконичное электронное письмо, в котором выразила свои соболезнования и обещала приехать на похороны.

Но приехала я туда не ради прощания с Доминго. Мне не было до него дела. Моя мать вышла за Доминго замуж, когда мне было девять лет, а затем быстро отправила меня в школу-интернат в Англии, так что я никогда особо с ним не общалась. Это меня радовало, так как Доминго был очень трудным человеком. Тот, ради которого я пришла на похороны, был его сыном. Сегодня я увижу Константина в последний раз, прежде чем вычеркну его из своей жизни.

И вот я здесь, прячусь за колонной в бальном зале, отделанном белым мрамором, надеюсь затеряться в толпе высокопоставленных лиц. Константина сложно не заметить – он возвышается над толпой. Высокий и красивый, он стоит посреди комнаты, высокомерный и холодный, как ледник. На нем идеально сшитый, ужасно дорогой черный костюм, который облегает его широкие плечи, мускулистую грудь, подчеркивает узкую талию и длинные ноги. Сейчас Константин, как никогда, похож на древнеримского императора...

Люди боялись его. Думали, что он безжалостный, отстраненный и бесчувственный. Но они не видели, как он укутал меня одеялом, когда я заснула на стуле в его кабинете, или озабоченно нахмурился из-за воробьиного гнезда с птенцами, которых я спасла, и попросила его о помощи; не слышали, как он смеялся – что случалось крайне редко, – когда я рассказала ему забавную историю. Он был таким только со мной. Таким я его увидела, когда впервые приехала в особняк в девятилетнем возрасте.

Поначалу Кон был сдержанным и отстраненным, но потом я узнала его лучше. Узнала, какой он добрый и заботливый. По крайней мере, он был таким до тех пор, пока я не переехала в Лондон четыре года назад, – тогда по неизвестной мне причине он прекратил все контакты со мной. С тех пор мы не виделись, кроме одного раза три месяца назад. Тогда я обнаружила в нем кое-что еще: глубоко в его душе горел огонь, о котором знала только я. Огонь, который я обнаружила в ту ночь, когда соблазнила его. В ту ночь Кон не был ни холодным, ни отстраненным. Это случилось на вечеринке по случаю его... помолвки.

Мой взгляд переместился на женщину рядом с Константином – высокую, светловолосую, в облегающем черном платье. Оливия Уинтергрин, генеральный директор «Зимних бриллиантов», старой и очень успешной ювелирной компании. Ее бледное прекрасное лицо было невозмутимо. Оливия воплощала все качества, которых не было у меня.

Оливия – невеста Константина. Говорили, их будущий брак был деловым соглашением, разумеется, об этом мне поведал не Константин. Кон не любил Оливию – это сообщалось в

колонках светской хроники, – но его невеста происходила из хорошей семьи и, будучи генеральным директором крупной компании, подходила ему во всех отношениях.

А я... не такая. Я невысокая, полноватая и совсем не красивая. Я – не генеральный директор. Я работаю с бездомными в приюте в Лондоне, к большому неудовольствию моей матери. Я – не ровня Константину... По крайней мере, он сказал это после того, как овладел мной на траве возле розовых кустов в саду. Похоже, это правда.

От воспоминаний горло сжалось от боли, но я подавила в себе горькое чувство. Обычно я стараюсь быть оптимисткой, но после той ночи в саду мой оптимизм куда-то делся.

Взгляд черных глаз Константина прошелся по бальному залу, будто он искал кого-то, и мне захотелось спрятаться за колонну. Но другая часть меня хотела показать ему, что он не уничтожил меня резкими словами, которые сказал мне той ночью. Что я сильнее, чем Кон думал. Поэтому я стояла на своем месте, задрал подбородок, и ждала, когда дамоклов меч падет на мою голову.

И это произошло. Его взгляд нашел меня в толпе. Но я не похолодела – я никогда не холодела, когда Константин смотрел на меня, – мне стало жарко, как в огне. Его внимание переключилось на меня, и под его взглядом я задрожала.

Жар. Отчаянное желание.

Затем Кон отвернулся.

Слезы ярости выступили у меня на глазах. Теперь пришло время уходить, и чем скорее я уберусь отсюда, тем лучше. Я пробралась сквозь толпу к ближайшей двери и вышла в тишину беломраморного холла.

Внезапно в конце коридора появился человек в черной униформе.

– Мисс Грей? – вежливо спросил он.

Я узнала его. Он был одним из сотрудников службы безопасности Константина.

– Да.

– Не могли бы вы проследовать за мной? Мистер Сильвер распорядился отвести вас в малый кабинет. Пожалуйста, дождитесь его там.

Я удивленно заморгала. Константин хочет поговорить со мной?

– Очень жаль, – я старалась быть вежливой, – но мне нужно успеть на самолет. Пожалуйста, передайте мистеру Сильверу, что я...

– Боюсь, мистер Сильвер настаивает. – Мужчина бросил на меня извиняющийся взгляд, в котором читалось: «Я просто выполняю приказ, мисс».

Меня охватило негодование. Константин настаивает? Но почему? Разве он не сказал все, что хотел, три месяца назад? Все эти обидные фразы: «Нет, я не люблю тебя. Что за нелепая идея?!» и «Это твоя мать тебя подговорила?»

Кон был жесток, безжалостен и вовсе не заботился о моих чувствах: «Если ты думаешь, что я собираюсь жениться на тебе, то глубоко ошибаешься. У тебя нет ни денег, ни власти. У тебя нет ничего, чего я хочу. Ты довольно привлекательна и хороша в сексе, но хороший секс не является достаточным основанием для брака».

И напоследок: «Все это было ошибкой. И это никогда не повторится».

Возможно, тогда Кон сказал не все. Возможно, он еще не закончил разрывать мое сердце в клочья и теперь хотел довести дело до конца. Я не хотела предоставлять Кону такую возможность, но охранник всем своим видом давал понять, что отказ его не устроит. У меня был небогатый выбор: либо недостойная борьба, либо добровольное подчинение.

В ночь помолвки Константина, после того как я сбежала из сада, рыдая, как глупая девочка, я вернулась домой и лежала без сна. Я любила Кона так долго – с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. То, как он бросил меня после моего переезда в Лондон, причиняло боль. И после страстного соития на траве, когда он набросился на меня, как голодный человек

набрасывается на еду, я думала, что наконец-то он мой и последние четыре года молчания были недоразумением.

Я не ожидала, что он поступит со мной так жестоко. Это произошло совершенно неожиданно. Я даже не знала, что та вечеринка была устроена по случаю его помолвки. Да, я была глупа, и в ту ночь он разбил мое сердце вдребезги.

Может, сейчас мне выпал шанс высказать ему все то, что я хотела? Возможно, даже потребовать объяснить, почему он так долго держался от меня на расстоянии?

Я кивнула, и охранник повел меня по коридору. На летних каникулах я часто бывала в этом особняке и сразу узнала комнату, куда меня привели, – два кресла у камина, сияющий паркет, не застеленный ковром, полки с книгами вдоль стен, ни картин, ни предметов декора. Да, не самое уютное место в этом доме...

Охранник закрыл за мной дверь, и я принялась мерить шагами небольшой кабинет. Вскоре я услышала, как щелкнул замок. Потом свет погас. На секунду я застыла в испуге. Снаружи послышались крики, меня охватил страх. Я понятия не имела, что происходит, знала только то, что я... заперта! Мое сердце бешено билось. Медленно тянулись минуты. Нужно было что-то делать. Я повернулась и нажала на ручку двери, как раз в тот момент, когда кто-то с другой стороны вновь повернул ключ.

Я отшатнулась, у меня перехватило дыхание, затем свет снова вспыхнул, осветив мужчину, стоящего в дверном проеме.

Константин.

Наши взгляды пересеклись. В его холодных черных глазах застыло какое-то непонятное мне выражение. Кон шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

Сердце забилося сильнее, вся моя прежняя бравада улетучилась, как будто ее никогда и не было, колени ослабли, накатила тошнота.

– Ч-что случилось? – удалось мне выдавить из себя. – Почему погас свет?

– Ничего такого, о чем тебе стоило бы беспокоиться. – Его голос был ледяным и глубоким, с певучим испанским акцентом, который мне всегда нравился. Кон приблизился: – Я рад, что ты здесь.

Рад? Он не выглядел обрадованным. Он выглядел холодным и неприступным. Мне отчаянно хотелось сказать все те слова, которые мечтала бросить ему в лицо последние три месяца, разорвать его на куски своим гневом. Но все слова исчезли из моей головы, и все, чего мне хотелось, – это плакать. Потому что даже сейчас я скучала по нему. Несмотря на то, что он разбил мне сердце.

– Почему ты радуешься? – прошелестела я онемевшими губами.

Кон сдвинул черные брови:

– Так ты пришла сюда не для того, чтобы рассказать мне?..

Холод пронзил меня, скручивая внутренности. Он не может знать. Я никому не говорила. Это был мой маленький секрет, и я хотела, чтобы так и оставалось.

– О чем? – Я старалась говорить спокойно.

Брови Кона дрогнули, когда он посмотрел на меня сверху вниз с высоты своего огромного роста. Его красивое лицо было не более эмоциональным, чем горный склон.

– Что ты беременна, разумеется.

Неужели я всерьез рассчитывала, что смогу сохранить это в секрете? От него? Я даже нашла врача далеко от того места, где жила, чтобы перестраховаться. Доктор никому не сказала бы... Не должна была. Разве могут врачи разглашать тайну своих пациентов?

Страх резанул меня изнутри, как нож, смешиваясь с болью, гневом и тревогой последних трех месяцев. Я крепко вцепилась в спинку дивана, борясь с тошнотой, но она была неумолима. Я не хотела, чтобы меня стошнило у Константина на глазах. Я уже достаточно унизила себя. Но мое тело, похоже, не считало это убедительным аргументом, и я ничего не могла поделать...

Спотыкаясь, я сделала пару шагов вперед, и меня вырвало прямо на его дорогие кожаные туфли ручной работы.

Глава 2

Константин

Когда внезапно погас свет, я беззвучно выругался, но, когда свет зажегся вновь, я уже стал самим собой, таким, каким должен быть. Непроницаемым. Холодным.

Тем не менее ярость осталась, поэтому, когда я вошел в ту комнату и мою сводную сестрицу вырвало прямо мне на туфли, я едва сдержался, чтобы не разразиться проклятиями. Но я уже сделал ошибку, потеряв самоконтроль три месяца назад. Мне оставалось лишь стиснуть зубы от ярости, так сильно, что заболела челюсть.

Я знал, что она приехала – я могу почувствовать ее где угодно, – и я видел, как она пряталась за колонной в бальном зале.

Два дня назад я узнал о ее беременности и, признаюсь, пребывал в некотором смятении. Но, увидев ее, я почувствовал уверенность.

Появление моего брата-близнеца, воскресшего из мертвых, только усилило эту уверенность.

На момент, когда он ворвался на церемонию прощания с отцом, я уже знал, что Валентин жив. Три месяца назад я получил известие, что он не погиб в автомобильной катастрофе пятнадцатью годами ранее, как мы все думали, а был жив и здоров. Валентин стал генеральным директором компании, которую построил за счет различных теневых предприятий, и теперь собирался сделать ставку на компанию отца.

Я даже подозревал, что он планирует увести у меня невесту, Оливию. Разумеется, так оно и вышло: Валентин со свойственным ему драматизмом отключил электричество и, воспользовавшись неразберихой, увез ее. Однако я ожидал, что он сделает свой ход во время похорон, а не на поминках, и злился на самого себя.

Похоже, я был слишком самоуверенным. Теперь мою невесту похитили, и, хотя я знал, что Валентин не причинит ей вреда – у Оливии была длинная и давняя история с Валентином, – это было огромным... неудобством. Я потратил много времени, выбирая подходящую женщину, и Оливия подходила по всем пунктам. Интеллект, сила, уравновешенность, красота. Она была генеральным директором ювелирной компании и сама по себе обладала властью и влиянием. Оливия была именно такой женщиной, какую я хотел, и самое лучшее в ней то, что она совсем не похожа на Дженни Грей, мою маленькую сводную сестру.

Моя милая маленькая сводная сестра. Единственная женщина в мире, которой я никогда не смог бы обладать. Но теперь все изменилось. Оливию похитили, и женщина, которую я защищал с тех пор, как она была совсем маленькой, – женщина, которую я защищал даже сейчас, хотя она никогда об этом не узнает, – была беременна моим ребенком. *Что делало все очень, очень ясным.*

Последние четыре года я держал Дженни на расстоянии, чтобы уберечь ее как от моего отца, так и от себя, но одна ночь положила этому конец. Одна ночь и... мое отсутствие контроля. В течение двух дней после того, как я узнал, что она беременна, я обдумывал различные планы. Я намеревался держаться подальше от Дженни, но при этом следить за тем, чтобы она и ребенок были в безопасности. Как бы там ни было, ни одного достойного варианта я так и не нашел.

Маленькая выходка Валентина подсказала мне решение. Я никогда не верил в судьбу, но сейчас, похоже, мне придется поверить в нее. Всего за час моя жизнь круто изменилась. Дженни была здесь, беременная. Валентин похитил Оливию. Что это, если не проделки судьбы?

Я пришел сюда с намерением сообщить Дженни о своих планах. Разумеется, я не ожидал, что ее стошнит на мои ботинки. Как всегда, моей первой реакцией было убедиться, что с ней все в порядке, – я уже сделал шаг, чтобы подхватить ее на руки. Но была причина, по которой я должен был держать себя в узде, когда дело касалось ее, поэтому я остановился. Это не улучшило моего настроения.

К счастью, в доме полно прислуги. Через десять минут пол был чистым, а мне принесли новые туфли. Дженни сидела в кресле, выпрямив спину и уставившись невидящим взглядом на нетронутый стакан воды. На ней было черное платье из сетевого магазина, поверх него – выцветший черный кардиган, на ногах – дешевые черные туфли-лодочки. Удручающая скромность наряда указывала на плачевное состояние ее финансов, и это тоже выводило меня из себя. Я снова ругал себя за то, что все эти годы не посылал ей денег, чтобы помочь. Несмотря на то что я пытался дистанцироваться от Дженни, мне следовало помогать ей финансово. Впрочем, вряд ли она приняла бы помощь.

Кейтлин, ее мать, была эксцентричной золотоискательницей, и Дженни всегда заверяла, что никогда не будет такой, ни внешне, ни внутренне. Сейчас темно-каштановые волосы Дженни были собраны в небрежный пучок, кудрявые локоны, выбившиеся из прически, спадали на затылок и маленькие уши. Она была очень бледной и напряженной – шея, плечи, ладони, сцепленные на коленях, невидящий взгляд. Ее длинные, темные и удивительно густые ресницы оттеняли белизну ее нежного округлого лица... Дженни вся казалась мягкой и округлой – по-детски пухлые щеки, губы, напоминающие розовый бутон, волнующая выпуклость пышной груди и щедрые бедра. Я вспомнил, какой мягкой она была, такой горячей под моими руками той ночью в саду, на траве под сенью роз. Дженни была такой, какой я ее себе представлял, она воплотила все мои фантазии...

Я посмотрел на нее сверху вниз, рассчитывая услышать объяснения. Я хотел знать, почему она не пришла ко мне, когда узнала, что беременна. И почему пришла сейчас? Явно не для того, чтобы проститься с моим отцом. Даже Кейтлин, ее мать, вторая экс-жена моего отца, с которой он развелся несколькими годами ранее, сегодня не пришла.

– Я жду, Дженни, – сказал я, пытаюсь обуздать свое нетерпение. Ситуация с Валентином требовала внимания, собравшиеся ждут от меня заявления и ответных действий. Однако сначала я должен решить этот вопрос. – Почему ты здесь, если не хотела сообщать мне о беременности?

Дженни крепче сцепила на коленях длинные изящные пальцы, так что побелели костяшки.

– Разве это имеет значение?

Чистый, сладкий звук ее голоса поразил меня, как электрический разряд, хотя этого не должно было случиться. Я знал этот голос много лет. С первого дня, как Дженни попала в наш дом, я старался оберегать ее. Она была ребенком, и очень ранимым, а я лучше, чем кто-либо другой, знал, как мой отец любит манипулировать детьми. С девятнадцати лет я усердно работал в «Сильвер компани», много путешествовал по делам корпорации и все же делал все возможное, чтобы присматривать за Дженни. Затем однажды она вернулась домой на летние каникулы, и я обнаружил, что передо мной стоит женщина, а не девочка, и все изменилось.

Я всегда хотел иметь семью – жену и детей. Оливия идеально подходила для того, чтобы стать матерью моих наследников, главным образом потому, что я не испытывал к ней ничего, кроме уважения. Я не любил ее. Я не хотел ее. Она не вызывала во мне никаких чувств – ни любви, ни страсти. Что было хорошо. Эмоциональная дистанция важна. Эмоции делают человека слабым.

Каждый раз при встрече Дженни улыбалась мне. Тогда я жил ради этих улыбок. Они были словно маленькие проблески света во тьме. Но сегодня она не одарила меня теплой улыбкой.

Ее округлый подбородок выпятился, и выражение крайней решимости ожесточило ее мягкие черты, погасив внутренний источник света.

– Да, я беременна, и теперь ты знаешь об этом. Так что, если ты не возражаешь, я пойду. Я сожалею о кончине Доминго, прими мои соболезнования, но, кроме этого, мне больше нечего сказать.

Дженни всегда была доброй и сострадательной, но за мягким характером скрывались стальная воля и упрямство. И все же она никогда раньше не проявляла эти качества при мне, а сейчас упрямство и даже враждебность были в ее взгляде.

Да, я это заслужил. Я помнил ту ночь более отчетливо, чем хотел. Дженни в моих объятиях, ее лицо покраснело от страсти. Она сказала мне, что любит меня, и тогда я понял, что натворил. Мой гнев вырвался наружу, как бы сильно я ни пытался его остановить. Я был жесток с ней. Я причинил ей боль. Намеренно. Я хотел, чтобы Дженни была как можно дальше от меня. Не вышло. Я не сожалел тогда о тех грубых словах три месяца назад, но сейчас сожаление закралось в мое сердце.

– Возможно, тебе нечего мне сказать, – начал я. – Тем не менее я должен кое-что сказать тебе.

Подбородок Дженни поднялся чуть выше.

– Неужели? И почему ты думаешь, что мне будет интересно выслушать хоть что-то из того, что ты хочешь сказать?

Во мне пробудились эмоции, которых не было очень давно. Любопытство. Интерес.

Это было не просто упрямство, которое я видел в ней раньше. Это было нечто большее, проблеск стальной воли, которая, возможно, не уступала моей собственной. Дженни никогда раньше ни в чем не боролась со мной, никогда не противопоставляла свою волю моей.

– Тебе будет интересно, потому что это касается твоего будущего, – сказал я, мой голос ничего не выдавал. – Я узнал о твоей беременности несколько дней назад, и...

– Как ты узнал? – перебила меня Дженни. Никто раньше не осмеливался разговаривать со мной в таком тоне. Дженни никогда меня не боялась. – Кто тебе сказал?

– Есть кое-кто, кто следит за тобой по моему поручению. Он сообщил мне о твоей беременности два дня назад.

Глаза Дженни расширились, рот приоткрылся.

– У тебя есть кто-то, кто следит за мной?

Иначе и быть не могло. Я держался от Дженни на расстоянии, но продолжал защищать ее.

– Мой человек наблюдал за тобой с тех пор, как ты покинула Испанию. Однако я...

– Что? Я не могу в это поверить! – Дженни вскочила с кресла, дрожа от ярости. – Ты не разговаривал со мной четыре года, и все же...

– Дай мне закончить, – приказал я ледяным тоном. Мое терпение истощалось. Я хотел быть осторожным, сообщая о своем решении Дженни, чтобы это не стало для нее шоком, но у меня не было времени. Мне нужно было разобраться с беспорядком, который устроил Валентин. Чем скорее я поговорю с Дженни, тем лучше. – Как я уже сказал, мне сообщили о твоей беременности два дня назад. Я решил, что порву с Оливией Уинтергрин, – Дженни уставилась на меня широко открытыми глазами, – и женюсь на тебе.

Глава 3

Дженни

Константин стоял у холодного мраморного камина, возвышаясь надо мной, в глазах не было ничего, кроме черного льда. Он не мог говорить это всерьез. Просто не мог! Или?..

Мое сердце сильно билось под ребрами, болело при виде его, несмотря на шок, ярость и боль. Прошло три месяца с тех пор, как я видела его так близко, и мне так хотелось сократить расстояние между нами! Положить руку на белоснежный хлопок его рубашки, почувствовать тепло его широкой мускулистой груди, уловить стук его сердца. Он мог выглядеть твердым и холодным, как ледник, но я знала, какой он горячий. Подобно вулкану, внутри его была лава, вырывающаяся наружу через трещины во льду.

– Ч-что? О чем ты?

Константин одарил меня тем же невыразительным взглядом, что и всегда.

– Ты знаешь, что значит брак, Дженни.

Я ненавидела, когда он так говорил, его тон был холодным и высокомерным. Но обычно он говорил так только с другими людьми и никогда не использовал этот тон со мной.

– Не будь ослом, Кон, – сердито сказала я, – я знаю, что это значит. Я просто хочу знать, почему Оливия вдруг перестала тебя устраивать. Она знает? Ты ей сказал?

– Оливия – это не твоя забота. Обстоятельства сложились так, что теперь наш брак невозможен... – Кон посмотрел на мой живот. Он уже начал округляться. – И она не беременна.

На секунду мне показалось, что я увидела какой-то горячий блеск в его глазах, но блеск исчез так быстро, что я начала сомневаться, не почудилось ли мне это.

– Будет лучше, если ты останешься здесь, – коротко сказал Кон и со своей обычной грацией хищника направился к двери. – За тобой придет мой помощник. Мы выезжаем в течение часа.

«Подожди... Ты уходишь? Уезжаем куда? И почему?» Я открыла рот, чтобы спросить Кона об этом, но он вышел в дверь прежде, чем я смогла вымолвить хоть слово.

Это было глупо. Неужели Кон действительно вообразил, что я останусь здесь и буду ждать его помощника? Без каких-либо объяснений? Ехать с ним куда-то? И почему он был так холоден по отношению ко мне? Когда я была ребенком, я обычно убегала в его кабинет с книгой и сворачивалась калачиком в кресле. Книга была поводом, чтобы притвориться, что меня интересует только чтение. На самом деле я ждала, когда Кон появится, чтобы поговорить со мной. Я была полна решимости стать ему если не сестрой, то хотя бы другом. Сначала Кон игнорировал меня, но я не отступала, болтая с ним так, как будто знала его много лет. И постепенно, со временем, он начал отвечать мне.

Сначала наши беседы были простыми, так как мне было всего девять лет, и касались школы и друзей, чтения и телевизора, но по мере того, как я выросла, наши дискуссии становились все более сложными. Книги, музыка, политика, наука. Ничто не было под запретом, за исключением двух тем. Не следовало заводить разговор о брате, которого Кон потерял, когда ему было семнадцать, и о его отце. Я никогда не давила, и к тому времени, как мне исполнилось шестнадцать, Кон стал моим лучшим другом. Затем я переехала в Лондон, и он прервал общение без объяснения причин. Я никогда не понимала почему. Теперь Кон предлагал мне выйти за него замуж, и я тоже не понимала почему.

Я отвернулась от двери и ухватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Я была сбита с толку, меня все еще мутило, и все, чего я хотела, – это уйти. Вся эта затея с браком не

имела никакого смысла. Единственная причина, по которой Кон мог предложить брак, – моя беременность. И причина точно была не в том, что он любит меня.

Три месяца назад, в ту роковую ночь, Кон заверил меня, что это невозможно. Тогда я смотрела в его красивое лицо, видела утоленную страсть, догорающую в его глазах, и сказала, что люблю его. Эта страсть умерла мгновенно, погасла, как огонь, внезапно лишенный кислорода. Кон оторвался от меня и посмотрел с таким видом, будто я причинила ему боль.

Нет, я сейчас не буду вспоминать, что произошло дальше... Ведь у меня под сердцем рос наш ребенок.

Пожалуй, я должна была сказать ему о беременности. Но зачем? Константин был помолвлен и очень ясно выразил свои чувства ко мне, а я не хотела разрушать его тщательно распланированную жизнь новостью о том, что он будет отцом. У него была Оливия и планы на брак, и казалось несправедливым все сорвать только потому, что мы с ним совершили ошибку. Я планировала рассказать ему когда-нибудь, но не раньше, чем мое сердце немного успокоится.

Уверена, моя мать была бы в восторге, если бы узнала. «Ничто так не удерживает мужчину рядом с тобой, как ребенок», – сказала бы она мне, хотя с моим отцом это не сработало. Но я не такая, как мать, и никогда не буду такой. Я не хотела быть зависимой от мужчины, который стал бы содержать меня. Я не хотела в конечном итоге стать циничной и озлобленной. Чего я хотела, так это стабильности и безопасности, двух вещей, которых у меня никогда не было в детстве. О, да, и любви. Ее у меня тоже никогда не было. Мать переезжала с места на место и таскала меня за собой, ища мужчин, которые содержали бы ее. Она не любила никого из мужчин, с которыми встречалась, она только использовала их. И когда ей надоел один, она искала другого.

Я не хотела такой жизни для себя и своего ребенка. Я хотела постоянства, надежного дома, работы, которая удовлетворяла бы меня, и мужа, который любил бы меня. Я хотела жить долго и счастливо, и я знала, что с Коном это невозможно. А это значит, мне придется уйти.

Я решила дождаться рождения нашего ребенка, прийти в себя после родов и как-то обустроить свой быт и только потом связаться с Коном, чтобы обсудить совместную опеку. Но не раньше.

А сейчас я хотела убраться из этого дома, вернуться в свой отель, поесть и лечь спать. Мой обратный рейс в Англию на следующее утро был очень ранним, а я была измотана.

Я открыла дверь и выглянула наружу – путь был свободен, – вышла из комнаты и направилась к лестнице. Дробный перестук каблуков моих дешевых туфель отчетливо раздался в отделанном мрамором коридоре. Навстречу вышел сотрудник службы безопасности в черной униформе.

– Мисс Грей? – Он посмотрел на приоткрытую дверь комнаты, из которой я вышла, а затем снова на меня. Выражение его лица не изменилось, но было ясно, что он счел мое непослушание неуместным. – Следуйте за мной, пожалуйста.

Не хотелось быть грубой, но гнев все еще бурлил во мне, поэтому я посмотрела прямо на него:

– Нет, спасибо. Я как раз собиралась уходить.

– Боюсь, это приказ сеньора Сильвера. Внизу происходит неприятная ситуация, и я обязан защитить вас.

Меня окатила волна изумления.

– Неприятная ситуация? – Что, черт возьми, это значит? – Какого рода?

Охранник бережно, но твердо взял меня за локоть.

– Вам не о чем беспокоиться, мисс Грей, – сказал он, – но для вашей же безопасности, пожалуйста, следуйте за мной.

Прежде чем я поняла, что происходит, меня потащили вниз по широкой мраморной лестнице, но не к парадной двери – там собралась целая толпа людей, все они что-то громко обсуждали, – а к задней.

– Что происходит? – спросила я. Внутри меня все похолодело от тревоги – по выражению лиц людей было ясно, что произошло что-то непредвиденное и, возможно, опасное. – Куда мы направляемся?

Охранник помог мне спуститься по лестнице и повел в заднюю часть дома.

– Сеньор Сильвер сказал, что он переправит вас обратно в Англию за свой счет.

От неожиданности я чуть не споткнулась. Константин отправит меня домой? В этом не было смысла – ведь он сказал, что намерен жениться на мне.

– Но почему? – спросила я. – У меня уже забронирован билет на завтрашний рейс и отель на сегодняшний вечер.

– Сеньор Сильвер отменил ваш рейс и бронирование в отеле. Он полагает, вы захотите улететь сегодня вечером. Его самолет в вашем распоряжении.

Я моргнула. Мы приближались к одной из задних дверей, и я почувствовала себя так, словно меня подхватило мощное течение реки и понесло вперед. Все происходило слишком быстро, и мой мозг не успевал осознавать происходящее.

Что-то говорило мне, что я должна вернуться в свой отель так быстро, как только смогу, но я устала, меня тошнило, и мысль о том, чтобы оказаться дома в своей постели этой ночью, была слишком заманчивой. Полет на частном самолете «Сильвер компани» также избавлял меня от ожидания в бесконечных очередях и переходов по терминалам аэропортов с тяжелым багажом.

Я не знала, почему Кон после обещания жениться на мне хочет посадить меня на самолет обратно в Англию, но я слишком устала, чтобы думать об этом. Прямо сейчас все, чего я хотела, – оказаться дома, в своей крошечной обшарпанной квартире в Лондоне.

– Ладно, – я старалась сохранить остатки достоинства и не выглядеть полным ничтожеством, – это... очень мило с его стороны.

Мужчина кивнул, а затем поспешно вывел меня через запасную дверь особняка, где ждала черная машина. Через несколько минут мы уже ехали по оживленным улицам Мадрида. Некоторое время спустя мы прибыли на частный аэродром «Сильвер компани». Реактивный самолет уже ждал на взлетной полосе. Мне помогли подняться на борт.

Я убеждала себя: нет, я не разочарована тем, что Константин не попрощался со мной лично. Это даже хорошо, потому что теперь я могу расслабиться и перестать думать о нем. Вернуться к своей работе и планам, которые я строила в связи с рождением ребенка. Потому что, хотя у меня не было любящего мужчины, я, безусловно, могла бы обеспечить стабильность и безопасность, которых так жаждала, самостоятельно. У меня аналитический склад ума, и я уже тщательно подготовилась к появлению ребенка. Последние три месяца я откладывала деньги, чтобы ни в чем не нуждаться во время отпуска по беременности и родам, у меня были кое-какие сбережения. Я могла позаботиться о себе и своем ребенке, и это было главное.

Я опустила на сиденье, кожа была восхитительно мягкой. После эмоционального потрясения было долгожданным облегчением оказаться в тихом и теплом коконе самолета, и я почувствовала, что могу выдохнуть. Через несколько минут мы были в воздухе; заботливая стюардесса принесла мне чашку имбирного чая и крекеры, которые, по ее словам, успокоят мой желудок. Я не стала спрашивать, откуда она знает о моем самочувствии, выпила чай, съела печенье и действительно почувствовала себя намного лучше. Чуть позже принесли ужин, он был восхитительным, и после того, как с ним было покончено, я откинула спинку кресла и расслабилась, низкий гул двигателей успокаивал, навевая сонливость.

Я сделала то, ради чего прилетала. То, что Кон уже знал о беременности, пробуждало во мне чувство вины, и все его разговоры о браке сбивали с толку, но сейчас я на пути домой.

Все мои секреты раскрыты. Мне не придется видеть его снова, пока не родится ребенок, и это к лучшему. Я выдохнула.

Глава 4

Константин

К тому времени, как мой самолет приземлился на частном аэродроме недалеко от Эдинбурга, я уже держал ситуацию под контролем – разобрался с проблемой в Мадриде, сохранив втайне возвращение Валентина. Я не хотел, чтобы эта история выплыла наружу, по крайней мере до тех пор, пока не будет решен вопрос с Дженни и ее беременностью. Мои адвокаты сообщили, что Валентин, как и ожидалось, попытался получить контроль над компанией, но я проинструктировал их препятствовать ему и его команде так долго, как они смогут. И поскольку они хороши в своем деле, они, вероятно, смогут годами бороться за мои права.

Мои сотрудники службы безопасности сообщили, что Валентин сейчас направляется на Мальдивы с Оливией. Я послал за ними кое-кого из своей команды, чтобы убедиться в благополучии бывшей невесты, но не собирался тратить время на то, чтобы самому отправиться за ней. Валентин не причинит ей вреда. Когда-то, много лет назад, они были близкими друзьями, к тому же Оливия – сильная женщина. Она справится с Валентином. Главное – Валентин сейчас не в Европе, а это значит, что я мог спокойно скрывать его возвращение, пока не буду готов к борьбе.

Я потратил годы, во всем соглашаясь с отцом, поскольку это был единственный способ, которым я в конечном итоге смог бы взять под контроль компанию. «Сильвер компани» была могущественной силой в Европе, и Доминго хотел вывести ее на мировой уровень, поскольку его всегда привлекала власть. Однако мой отец, мир его праху, был клиническим психопатом, и кому-то приходилось контролировать не только такую силу, как «Сильвер компани», но и его самого, чтобы ограничить возможный ущерб. Этим кем-то был я.

Если Валентин намерен разрушить то, над чем я работал последние пятнадцать лет, ему не следует переоценивать свои возможности. Все должно развиваться так, как решил я. Но теперь мне нужно контролировать две ситуации: деятельность Валентина и беременность Дженни.

Когда ей предложили самолет, чтобы отвезти в Англию, она согласилась, без сомнения думая, что вечером ее благополучно доставят домой в Лондон. Но этого не случится. У меня не было времени, чтобы достойно сделать ей предложение, и в этом тоже виноват Валентин. Но я выиграю это время сейчас. Я увезу Дженни подальше от ситуации в Мадриде, в место, недоступное для всех, особенно для Валентина. Место, о котором не знает никто, кроме моих самых преданных сотрудников. Туда, где ничто не нарушит тишину и покой, необходимые для обсуждения наших планов, – в Глен-Криг, мое убежище в Шотландии. Отдаленное поместье в Высокогорье, где нет ничего, кроме широких долин, гор и тихого глубокого озера. Нет ни Интернета, ни телевидения. Ничего, кроме бескрайних просторов и неба.

Самолет, на который я посадил Дженни, приземлился примерно на час раньше моего. Сотрудники сообщили, что Дженни все еще на борту и крепко спит. Я запретил кому бы то ни было прикасаться к ней и сам поднялся в самолет, чтобы забрать ее.

Дженни спала, свернувшись калачиком на своем сиденье, ее длинные каштановые волосы выбились из пучка и рассыпались по плечам. Один из локонов лежал на мягкой щеке, и когда я склонился над ней, то не смог устоять перед искушением убрать его.

В ту ночь ее волосы казались шелком, когда я зарылся в них пальцами, откидывая ее голову назад, чтобы завладеть ее губами. Эти полные губы были мягкими, как лепестки роз, у них был вкус шоколада... У меня всегда была слабость к шоколаду.

Я не хотел ее будить. Дженни выглядела такой умиротворенной, когда спала, по-детски подложив ладони под щеку. Ее длинные ресницы даже не дрогнули от моего прикосновения. Поездка в Мадрид, а затем обратно в Англию, должно быть, измотала ее. Да и приступ дурноты в испанском поместье забрал у нее много сил. Как же я хотел в тот миг подхватить ее на руки и унести прочь, сделать своей...

Нет, этого хотел не я, а зверь внутри меня. И Дженни никогда не узнает о желаниях этого зверя.

Дистанция между нами была единственным способом уберечь ее, а холод в отношениях – единственным способом контролировать мои порывы. Но сейчас нужно было пересадить ее на вертолет, который доставит нас в Глен-Криг, и, чтобы не разбудить Дженни, мне придется нести ее на руках. Это будет грубое нарушение физической дистанции. Могу ли я доверять себе после той ночи в саду?..

Я задушил желания, которые сводная сестра всегда вызывала во мне, и заключил ее в свои объятия. Дженни, без сомнения, была бы недовольна тем, что я отвез ее в Шотландию вместо Лондона, и у нее, вероятно, нашлись бы не самые добрые слова в мой адрес, но сейчас я не хотел спорить, – ей нужно выспаться. Врач осмотрит ее утром, а до тех пор она будет спокойно спать в моих объятиях.

«Ты просто хочешь взять ее на руки. Хочешь держать ее в объятиях» – я отогнал эту мысль, но моя потребность в Дженни вызывала опасения.

Я наклонился и осторожно поднял ее на руки. Дженни была мягкой и теплой, и, когда я выпрямился, она тихо вздохнула и прижалась щекой к моему плечу.

«Она доверяет тебе, бессердечная ты сволочь».

В груди возникло горячее, напряженное ощущение, и на секунду мне стало трудно дышать. Я хотел прижать Дженни к себе и защитить от всего плохого. Но самым плохим в ее жизни сейчас был я... Теперь – после той катастрофической ошибки – мне следовало быть еще более осторожным.

Я злился на себя за то, что так и не научился контролировать свои эмоции, даже после всех болезненных уроков, которые преподавал мне мой отец. Злился на Дженни за то, что она была единственной яркой искрой в моей жизни. Добросердечная улыбка, искренняя радость и яркая, настоящая красота, которая ранила мою душу и искушала меня. Она доверилась мне и позволила себе быть уязвимой.

Не обращая внимания на эмоции, я вынес ее из самолета и спустил по трапу на летное поле. Вертолет ждал неподалеку, его винты уже вращались. Звук, казалось, не беспокоил Дженни. Она просто прижалась к моему плечу, уткнувшись лицом в ткань пиджака, – огни взлетно-посадочной полосы беспокоили ее. Сотрудник протянул руки, чтобы принять мою драгоценную ношу и посадить в кресло, но я не отдал ее. Я не хотел, чтобы кто-то еще прикасался к Дженни, и не желал отпускать ее.

«Отец больше не может тебя видеть. Он мертв» – эта мысль возникла из ниоткуда, но я проигнорировал и ее. Защищать Дженни – защищать всех, в том числе и от моего отца, стало моей второй натурой, и, по-видимому, не имело значения, что этот недобрый человек ушел навсегда. Рефлекс остался.

Наконец мы расположились на борту вертолета. Я не стал надевать наушники на Дженни. Если шум винта до сих пор не разбудил ее, то уже не разбудит, а в наушниках не так удобно лежать в моих объятиях. В любом случае полет не будет долгим.

Вертолет поднялся в воздух, и вскоре мы уже летели в полной темноте над Шотландским нагорьем. Дженни пошевелилась во сне, ее движение заставило меня остро ощутить ее тело. Прикосновение округлых грудей к моей груди. Изгиб спины, прижимающейся к моему паху. Нежное тело. Горячее. От нее пахло чем-то сладким, напоминающим цветы магнолии. Желание вспыхнуло во мне, и я посмотрел на нее сверху вниз, на линию ее щек и вздернутый носик.

Она не была типичной красавицей, не такой, как ее мать, но у нее была своя теплая, жизнерадостная красота, которая для меня казалась более привлекательной.

Я предполагал, что мой брак с Оливией будет включать секс, поскольку дети были частью сделки, но я не испытывал к ней влечения. Мы решили, что будем ложиться вместе в постель лишь с целью зачать ребенка и, возможно, иногда для разрядки, но не более того. Если бы она решила завести любовника, я не стал бы препятствовать, поскольку знаю, что неутоленная страсть порой толкает на необдуманные поступки.

Но... Пойти на такое с Дженни я не мог. Секс между нами невозможен, даже ради зачатия. Мой контроль и без того дал сбой. Впрочем, в этом есть и ее вина... Мне вообще не следовало прикасаться к ней, не говоря уже о том, чтобы повалить ее на траву и овладеть ею. Истинное безумие, я был словно животное. Четыре года я держал ее на расстоянии из-за дикой страсти, от которой я не мог избавиться с того дня, как обнаружил, что в восемнадцать лет она больше не маленькая девочка, а красивая женщина с пышными формами. Но в ней было нечто большее, чем просто красота. Ее нежная теплота, доброта и сочувствие, понимание, которое светилось в ее глазах всякий раз, когда она смотрела на меня, эта улыбка... Она была ярким светом, который каким-то образом никогда не тускнел даже в доме моего отца, и я не мог быть тем, кто погасит его.

Требовалась дистанция, а это означало, что наш брак останется только номинальным. Я был уверен, что справлюсь. Но что насчет Дженни? Что, если она хочет страсти? Смогу ли я позволить ей утолить страсть с кем-то другим?

Я стиснул зубы и еще крепче обнял Дженни, будто кто-то пытался отнять ее у меня. Однако я должен быть осторожен – я не мог позволить своей мятежной натуре вырваться на свободу.

Но для Дженни был опасен не только я. Доминго был безжалостным бизнесменом и нажил немало врагов. Я пытался уменьшить ущерб, который он причинил везде, где мог, но мне не удалось предотвратить многие вещи, которые он сделал. Были люди, которые ненавидели меня так же сильно, как ненавидели его, люди, которые думали, что я такой же, как он. Но разве это не так? Разве он мне этого не говорил? Дженни и ребенок нуждались в защите, а это означало, что я не мог позволить ей жить отдельно от меня. Я должен быть рядом, чтобы защитить ее.

Прядь темных волос упала Дженни на лоб, и я протянул руку, чтобы откинуть ее назад, но внезапно осознал, что ее глаза открыты и она смотрит на меня снизу вверх. В темноте они казались черными, поблескивая из-под ресниц.

– Где мы? – хрипло спросила она. – Что происходит?

В ее голосе не было ни страха, ни гнева, и она не сделала ни малейшего движения, чтобы высвободиться из объятий. Ее голос звучал как у сонного ребенка во время долгой поездки на машине.

– Мы едем домой, – мой голос тоже звучал с хрипотцой, – спи.

– Домой, – пробормотала она, – это хорошо.

Дженни закрыла глаза и расслабилась, снова погружаясь в сон.

Глава 5

Дженни

Меня разбудило солнце, льющее в окно и светившее прямо мне в лицо. Я нахмурилась и попыталась зарыться в подушку, потому что не хотела просыпаться, но солнце было неумолимо. К тому же у меня в животе начало урчать.

Преыдущая ночь была странным лихорадочным сном, полным успокаивающего рева реактивного двигателя, позже он сменился ритмичным звуком вертолетных винтов. У меня было смутное воспоминание о том, как сильные руки Константина несли меня куда-то, а затем я почувствовала тепло и безопасность, когда лежала на его широкой груди. Во сне я понятия не имела, откуда Константин взялся, поскольку он не летел со мной на самолете из Мадрида, но по какой-то причине я не задавалась этим вопросом.

Вертолет приземлился на широкую равнину. За бортом меня обдало холодным ветром, однако в объятиях Константина было тепло и безопасно. Затем он нес меня по каким-то лестницам и длинному коридору, которого определенно не было в моей маленькой квартирке. Я подумала, что все это сон, и очень боялась проснуться – так хотя бы во сне я могла быть в объятиях Кона.

Я зевнула и открыла глаза, щурясь от яркого солнечного света. Затем я моргнула и села в кровати, мое сердце билось очень быстро. Я была не в своей спальне. Комната была огромной – больше, чем вся моя квартира, – с большими окнами, скрытыми светлыми льняными шторами. Солнце проникало сквозь щель, освещая кремовые стены и светлый ковер на полу. У стены стоял антикварный комод, перед окнами – маленький столик, на нем – букет бледно-розовых камелий в стеклянной вазе.

Деревянная кровать, на которой я лежала, была огромной, с резным дубовым изголовьем, горой белых подушек и белым пуховым одеялом, в ногах лежало красивое лоскутное покрывало.

Меня охватило изумление. Выходит, то, что произошло прошлой ночью, не было сном. Константин держал меня в своих объятиях. Мы были в вертолете, и он сказал, что мы возвращаемся домой.

Но это был не мой дом!.. Я сглотнула, во рту пересохло, сердце отчаянно билось в груди. Константин меня обманул, и все же я доверяла ему. Он никогда не причинял мне вреда, а значит, где бы я сейчас ни была, я в безопасности.

Я выскользнула из кровати, подошла к окну и отдернула одну из штор. Из окна открывался вид на долину, окруженную скалистыми горами, у подножия которых цвел пурпурный вереск. От красоты маленькой долины у меня перехватило дыхание. Это было похоже на Шотландию, хотя я там никогда не бывала. И если это действительно Шотландия, то почему я здесь?

Все это было похоже на волшебство, я словно очутилась в сказке, однако на мне все еще было дешевое черное платье, плачевный вид которого тут же вернул меня в реальность.

Подойдя к двери, я подергала ручку, ожидая, что она заперта, и с удивлением обнаружила, что это не так. Снаружи был длинный, устланный ковром коридор, стены которого были увешаны пейзажами и портретами. В окна лился солнечный свет. Было очень тихо. Выйдя из спальни, я прошлепала босиком по коридору и вышла к широкой лестнице.

Я спустилась вниз в просторный холл. Все еще не понимая, куда идти, подошла к первой попавшейся двери рядом с лестницей и толкнула ее. Передо мной открылась еще одна большая комната – гостиная с окнами на две стороны, из одного открывался вид на зеленую поляну, из

другого – на озеро. Комната была полна света, ее бледно-золотистые стены отражали солнечный свет, отчего комната казалась теплой и уютной. У стен стояли удобные диваны, обитые светлой тканью, у одного из окон – пара кожаных кресел. Это была прекрасная комната, и я бы с удовольствием растянулась на одном из диванов с книгой, чтобы провести долгое утро за чтением, если бы не мужчина, стоящий посреди нее, сложив руки на груди.

Он повернулся лицом к двери, будто ждал, когда я войду в комнату. Константин. Мое сердце застучало сильнее. На нем был один из его изысканных костюмов от-кутюр, на этот раз из сине-черной шерсти. Стоя посреди теплой, уютной комнаты, он казался черной дырой, высасывающей все тепло и свет, не давая взамен ничего, кроме льда. Он окинул меня взглядом с головы до ног, оценивая так, словно я была машиной, которую нужно было починить, или проблемой, которую он должен был решить.

Глядя на ледяного мужчину, стоящего передо мной, трудно было поверить, что это он обнимал меня прошлой ночью, согревая и защищая от ветра.

– Мне было интересно, сколько ты можешь проспать. – Глубокий голос Константина звучал отстраненно, переливы испанского акцента не делали его теплее.

Я старалась глубоко дышать, чтобы не расплакаться, однако эмоции переполняли меня. Прощаясь с ним в Испании, я думала, что мне не придется видеть его, по крайней мере, в ближайшее время. Я не хотела, чтобы он стоял здесь и смотрел на меня таким же холодным безразличным взглядом, каким смотрел на всех остальных. Я хотела забыть Кона – ответить ему тем же взглядом, ничего не чувствовать, как не чувствует он, – и все же мое сердце болело, гнев пронзал меня, и я не могла решить, разрыдаться ли мне или дать ему пощечину. Я почувствовала себя жалкой, и это было омерзительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.